

Ю. М. Плюснин

**ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
ТРАНСМИССИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ:
К ПРОБЛЕМЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Одной из центральных проблем культурологии является проблема взаимодействия культур, этнокультурных контактов ¹. Она становится особенно актуальной в современных условиях, когда практически все народы включены в процессы межкультурного взаимодействия, которое наиболее интенсивно протекает между «традиционными» обществами, представленными в основном малыми этническими группами и экономически более развитыми «вмещающими» этносами.

Эти процессы характерны как для относительно однородных в плане этнокультурного развития регионов Азии и Африки, так и, в значительно более выраженной форме, для арктического и субарктического регионов. В отношении народов Севера процессы этнокультурного взаимодействия приобретают острый характер в силу того обстоятельства, что эти народы, находившиеся до самого недавнего времени на различных стадиях перехода к классовому обществу, развиваются в условиях европейской культурной среды, в составе экономически гораздо более развитых государств. Высокая интенсивность этнокультурных взаимодействий соответствует этой максимальной «культурной дифференциации», а направление взаимодействий существенно асимметрично — культурное влияние идет преимущественно в направлении от «вмещающего этноса» к этническому меньшинству, культура которого базируется еще во многом на традиционной системе хозяйства ².

В этом регионе в сильной степени выражены процессы этнокультурной интеграции и ассимиляции, стимулируемые тремя основными обстоятельствами: 1) значительными различиями в численности взаимодействующих этнических групп; 2) максимальными различиями в уровне социально-экономического и культурного развития; 3) ориентацией представителей малых этнических групп на принятие культурных ценностей и элементов культуры «вмещающего этноса».

Несомненно, что взаимодействия культур в условиях социализма и капитализма принципиально отличны. В то же время есть ряд общих моментов, обусловленных преимущественно характером развития промышленного производства и освоением природных ресурсов Севера. Поэтому представляется обоснованным использование данных, накопленных зарубежными учеными, о проблеме взаимодействия культур. Они могут быть использованы в дальнейшем при планировании стратегии управления социальными процессами и их оптимизации в условиях интенсивных этнокультурных контактов.

Малые этнические группы со значительной долей традиционных элементов и культуре и народы с развитой индустриальной экономикой и широкими социокультурными связями могут рассматриваться в определенном отношении как общества с существенно различными типами культур — традиционные и современные ³. Наблюдаемое в настоящее время интенсивное взаимодействие типов культур позволяет исследовать некоторые глубинные, внешне не проявляющиеся факторы, которые могут определять особенности, направление и скорость процессов межэтнического

взаимодействия. В более отчетливой форме они выявляются не при анализе собственно культурных контактов или типов культур, а при исследовании поколенной трансмиссии культуры — процесса воспроизводства этнической самобытности сообщества. Поскольку трансмиссия культуры — явление, представленное, по существу, целым набором путей, по которым происходит процесс создания, обработки, хранения и передачи элементов культуры, рассмотрим лишь те из них, которые, как нам представляется, теснее всего связаны с такими сторонами жизнедеятельности общества, как самообеспечение, самосохранение и самовоспроизводство, т. е. с характеристиками, позволяющими рассматривать конкретное общество как некое целое. Эти пути составляют естественно-историческую базу поколенной трансмиссии культуры; это популяционно-генетические (демографические), экологические и этнопсихологические факторы.

Для целей данного исследования удобно также выделить ряд уровней, на которых происходит процесс трансмиссии культуры. Основания для выбора могут быть, конечно, различными; представляется возможным в качестве ключевого понятия рассматривать «личность» как непосредственный субъект передачи элементов культуры. Выделены такие уровни: 1) субличный (поведение человека как биологического индивида); 2) личностный; 3) надличностный (поведение группы, стереотип поведения, принятый за норму в сообществе).

Все три выделенных фактора поколенной трансмиссии культуры тесно взаимосвязаны и взаимообуславливают один другой. Действие их проявляется на субличном, личностном и надличностном уровнях и создает специфические особенности передачи элементов культуры. Рассмотрим «функционирование» каждого из этих факторов в традиционных северных сообществах и в условиях, «деформированных» асимметричными этнокультурными контактами.

ПОПУЛЯЦИОННО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ (ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ) ФАКТОРЫ

Популяционно-генетические факторы поколенной трансмиссии культуры реализуются преимущественно через демографическое поведение. Феногенотипические особенности этносов и социально-экологические факторы создают специфические условия для формирования определенной демографической стратегии.

Взаимодействие отдельных этносов, сообществ, различающихся по своим демографическим стратегиям, ведет к возникновению конфликтной ситуации в связи с тем, что воздействие со стороны другого сообщества (чаще социального характера) направлено на глубинные свойства поведения «сообщества-мишени», которые к тому же имеют часто совсем иную шкалу времени.

Длительный исторический процесс адаптации сообщества к весьма специфическим экологическим условиям (особенно экстремальным) приводит к появлению у индивидов определенных свойств, связанных с репродуктивным поведением. Из особо важных с точки зрения демографической стратегии сообщества можно указать на более поздний возраст наступления половой зрелости и меньшую длительность репродуктивного периода у женщин северных народов по сравнению с их южными соседями. Дополнительные ограничения накладывают экологические условия жизни и формы хозяйствования: например, у атапасков бассейна Юкона в сообществах охотников-рыболовов репродуктивный период женщин короче, а плодовитость более чем в 1,5 раза ниже по сравнению с этнически теми же группами, перешедшими к оседлому образу жизни⁴.

Эти, в целом неблагоприятные для сообщества, результаты адаптации к суровым

условиям жизни определяют особую стратегию демографического поведения как отдельной личности, так и всего сообщества. Кочевой охотничий быт, помимо снижения плодovitости женщин, связан еще с двумя другими особенностями, требующими совершенно специфической репродуктивной стратегии: 1) члены сообщества имеют сравнительно большой риск гибели в активном возрасте, чем их соседи, ведущие оседлый образ жизни; 2) сообщество по необходимости должно подразделяться на небольшие, экономически независимые и пространственно удаленные поселения, стойбища, семьи. Эти факторы создают большую опасность снижения репродуктивного потенциала популяции, роста числа близкородственных браков и, как следствие, генетического вырождения⁵.

Действие этих причин привело к выработке специальных индивидуальных и групповых норм репродуктивного поведения, во многом общих для всех северных народов и в такой же мере чуждых европейскому культурному стереотипу.

Основные из этих норм следующие: 1) достаточно широкий «регламент» сексуального поведения, вызванный прежде всего необходимостью поддержания постоянно высокого уровня плодovitости в популяции; 2) как следствие этого — социально одобряемый, «нормативный» адюльтер; 3) развитие системы социальных мер, специально направленных на поддержание генетического разнообразия популяции, — обмен генетическим материалом с другими сообществами, этническими группами (например, ежегодные празднества,

Собиравшие несколько племен в одном месте); 4) раннее сексуальное воспитание подростков с помощью методов, не одобряемых европейской традицией⁶; 5) определенное отношение к воспитанию детей — жесткий отбор, сопровождавшийся детоубийством, в основном девочек, и система мер, направленных на максимальную физическую выживаемость детей⁷.

Подобная стратегия демографического поведения в целом не совпадает с европейскими культурными нормативами. Поскольку иммиграционный поток в районы проживания северных народов и интенсивность контактов между представителями разных этносов быстро возрастают, это ведет к тому, что происходит значительное изменение традиционных норм репродуктивного поведения в северных сообществах⁸. Этому способствуют переход к оседлости, увеличение размеров поселений и объединение многих неродственных групп в одном поселении, новые виды труда, его преимущественно промышленный характер, внесемейное совместное воспитание детей и общая ориентация представителей малых этнических групп на «более престижные» культурные стереотипы «вмещающего этноса».

Помимо ряда позитивных изменений, таких как увеличение плодovitости и продолжительности репродуктивного периода у женщин, уменьшение ранней детской смертности, снижение генетического груза популяции и т. д., наблюдается появление целого ряда негативных компонентов в репродуктивном поведении этноса, во многом связанных с заимствованиями и внешним влиянием («синдром аккультурации»). Это влияние, а также то, что психосоциальная ориентация индивида оказывается двойственной (на глубинные традиционные нормы — во многом неосознанно — и на новые стереотипы поведения), являются мощными факторами психосоциальной дизадаптации «маргинальной» личности⁹.

В настоящее время повсеместно в арктическом регионе создалась такая ситуация, при которой старые, отвергаемые формы демографического поведения продолжают иметь значительный удельный вес и поддерживаются иммигрантами; это способствует со своей стороны росту как числа разводов, так и случаев психопатологии (фрустраций, неврозов, алкоголизации). «Синдром аккультурации» стал основной медицинской проблемой в Арктике¹⁰.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Экологические факторы трансмиссии культуры народов Севера в современных условиях приобретают важное значение в силу того обстоятельства, что системы жизнеобеспечения, экономические ориентации и соответствующее поведение существенно различны в традиционных арктических сообществах и в современном индустриальном обществе. В то же время именно условия жизни «примитивного» сообщества во многом определяют специфичность механизмов передачи культуры. Эта специфичность связана с «элементарностью» систем жизнеобеспечения — большинство северных сообществ находится в зависимости от небольшого числа экологических факторов, например связаны с охотой на северного оленя, кита, морского зверя или с рыболовством¹¹. Соответственно это ведет к принятию определенного образа жизни и такому отношению к окружающей среде, которое можно охарактеризовать как чувство «принадлежности к природе».

На уровне личности отношение к труду, как основе экономического поведения, непосредственно детерминировано этим чувством. В традиционном мышлении нет условий для формирования таких понятий, как «сохранение природы» или «эксплуатация ресурсом». Этот стихийно «экологический стиль» экономического поведения, естественно, не может быть реализован в современный период промышленного освоения Севера.

Каковы условия для культурной трансмиссии такого типа поведения и такой ценностной ориентации у северных народов в современной обстановке? Имеются основания полагать, что эти условия недостаточны.

На уровне индивидуального сознания это ощущается не только как потеря многих элементов прежних форм хозяйствования и ориентации на традиционный труд, но и как утрата таких черт поведения, которые в общине считались обязательными и престижными, — ловкости, физической силы, удачливости, способностей и умений кормильца семьи и деревни. Реальность соответствия таких ощущений действительному изменению экологических обстоятельств жизни в переходный период подтверждается целым рядом исследований¹².

Прежде всего это касается проблем питания. Экологические условия, форма хозяйствования и структура питания тесно взаимосвязаны между собой. Более того, традиционная специфичность питания может определить такие особенности поведения человека, которые подчас рассматриваются как этнически-специфичные (например, углеводная диета способствует повышению общей активности за счет повышения в мозгу концентрации нейромедиатора серотонина; белковая диета угнетает поведенческую активность и способствует возрастанию агрессивности, именно «порога раздражения», за счет возрастания концентрации норадреналина и более низкого уровня серотонина в мозгу¹³). Пищевая специализация, связанная с экологическими условиями, как выясняется в последнее время, может определять и внешние проявления генотипа¹⁴, а также способствовать фиксации в популяции определенных генотипов (например, коренное население Америки, Австралии, Центральной Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, Южной Европы во взрослом состоянии не способно усваивать лактозу — основной сахар, содержащийся в молоке, поскольку у него не вырабатывается лактаза — фермент, расщепляющий лактозу; соответственно оно не может употреблять свежее молоко в пищу, хотя и реален в принципе адаптивный синтез фермента при изменении рациона¹⁵).

Вызванная длительным существованием, такая пищевая рутинизация и оказывается тем фактором, который в современных условиях быстрого перехода к иной

по структуре диете, хотя и полноценной, ведет к ухудшению здоровья и увеличению заболеваемости, особенно среди детей¹⁶. Разрушение традиционной системы питания ухудшает ее структуру по сравнению с экологически необходимой¹⁷; даже простое увеличение калорийности пищи снижает резистентность (сопротивляемость) организма и ведет к росту заболеваемости¹⁸. Сохранение же прежней структуры питания северян, связанной со значительным преобладанием жиров и белков, в современных условиях оказывается крайне трудным¹⁹. В то же время рационализация структуры питания и сохранение традиционной белково-липидной диеты в условиях Севера является важным и необходимым элементом профилактики психического и соматического здоровья как аборигенного, так и пришлого населения этого региона²⁰.

Вторым важным фактором оказывается деформация ценностей, связанных с отношением к труду, у активного аборигенного населения. Традиционные ценности, обусловленные прежними системами жизнеобеспечения, не имеют большого значения в условиях современного промышленного производства и, что еще важнее, становятся непрестижными в новых условиях²¹. Естественно, что это создает практически непреодолимые препятствия для их культурной передачи.

Одним из наиболее важных свойств экологически значимого поведения традиционного общества является характер распределения продуктов питания и необходимых вещей. Принципы распределения, принятые в «примитивных» обществах и во многом сходные в разных регионах, оказывали определяющее влияние на поддержание социального равновесия, т. е. были важными факторами культурной трансмиссии²². В современных условиях распределение продуктов и вещей между всеми членами стойбища, деревни рассматривается уже как неприемлемое и «неодобряемое». Тем самым изменяется экологическая основа взаимодействия между людьми, имевшая одно из первостепенных значений в сохранении и поддержании культурных традиций.

Наконец, изменение экологической обстановки в связи с интенсивным промышленным освоением Севера привело к постановке совершенно новых и достаточно острых проблем соотношения традиционного и современного природопользования²³. Новая система хозяйства предполагает иной характер включения человека в экономическую структуру, изменяет социально-экономический статус отдельных индивидов, семей, общин. Как следствие этих изменений повсеместно у северных народностей наблюдаются снижение интереса к традиционным экономическим связям, ориентация на новые формы и виды труда²⁴. Предполагается, что сохранение традиционных форм хозяйствования в современных условиях при существенно иной экономической основе невозможно²⁵. Помимо того что эти процессы ведут к полному исчезновению экономических форм трансмиссии культуры, они в не меньшей степени способствуют радикальному изменению этнических стереотипов поведения и этнопсихологических черт.

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Этнопсихологические факторы трансмиссии культуры во многом базируются на факторах экологических и популяционно-генетических. Это генетически детерминированные и выработанные под воздействием специфических экологических условий этнические особенности поведения и психики.

Особенности появления и распространения в небольших сообществах индивидов — носителей специфических поведенческих свойств, имеющих функциональные особенности в организации центральной нервной системы, отличающих каждое сообщество, каждый небольшой этнос, создают в определенной мере уникальную

конstellацию признаков, которая существует к тому же во вполне специфических условиях самоподдержания. Для крупных этнических групп такое этнопсихологическое своеобразие совершенно нехарактерно в силу чисто генетических причин²⁶. Поэтому механизмы поколенной трансмиссии культуры, связанные с этнопсихологическими факторами, являются уникальными и немногочисленными.

В целом ряде случаев эти механизмы осознанно или неосознанно используются в практике воспитания и обучения детей, в процессах передачи информации по неформальным и формальным каналам коммуникации.

Поскольку традиционные механизмы существовали столетиями и потому часто вообще неосознаваемы (особенно в области воспитания), их полное игнорирование создает для человека «двух культур» такие конфликтные ситуации, которые чреваты не только психической дезадаптацией, но и расстройством физиологических функций. К настоящему времени в кросс-культурной психологии накоплено довольно много данных, свидетельствующих о реальности конфликтов, возникающих в процессе взаимной «аппликации культур». В то же время этот процесс наиболее болезнен в случае взаимодействия культур, весьма далеких друг от друга. Северные народы в этом отношении находятся, по-видимому, даже в более неблагоприятных условиях по сравнению с малыми этническими группами Азии или Африки.

Рассмотрим некоторое ограниченное число психосоциальных факторов, которые могут быть поставлены в определенную связь с этногеографическим своеобразием культуры и с особенностями ее поколенной трансмиссии. Эти факторы действуют на всех уровнях — субличностном, личностном и надличностном, взаимно дополняя друг друга.

Этнопсихологическая специфичность закладывается уже на субличностном уровне и обусловлена, в частности, такими факторами, как: 1) эпигенетические особенности ферментативных систем, которые определяют, например, более высокую склонность к инфекционным легочным заболеваниям (грипп, туберкулез) и низкую толерантность к алкоголю у большинства северных народов²⁷, сами же эти феномены в определенных условиях, благоприятствующих распространению инфекций или алкоголизации, способны значительно повлиять на изменение структуры личности в рамках всего этноса; 2) своеобразие структуры питания, которое может модифицировать индивидуальное поведение человека через нейромедиаторы мозга (серото-нин, норадреналин, эндорфины) в масштабах всей популяции (см. выше).

Значительное влияние на этнические особенности психики оказывают вариации в функциональной организации центральной нервной системы; наибольший интерес, по нашему мнению, представляют два феномена, отмеченные у коренного населения субарктики: особенности организации зрения и полушарная асимметрия мозга.

Своеобразные географические условия арктических областей (полярная ночь, полярный день, очень высокие отражательные способности льда и снега, покрывающих землю значительную часть года) привели к формированию у коренного населения функциональных адаптации зрительного анализатора. Однако эти адаптивные особенности зрения оказались «вредными» для их носителей в современных условиях городской жизни, когда значительную часть времени индивид проводит в помещении при электрическом освещении. Особенно неблагоприятные воздействия в этом случае испытывают дети. В условиях современного детского воспитания и школьного образования у детей происходит значительное напряжение зрительного анализатора и нарушение его функций, что способно привести к деформации развития высших психических функций²⁸.

Появление определенных доказательств о доминировании правого полушария мозга над левым у некоторых народов Арктики²⁹ позволяет рассматривать целый ряд

известных психологических особенностей, характеризующих представителей северных этнических групп, в рамках концепции полушарной дискриминации когнитивных функций. Известно, что у каждого человека ведущим, доминирующим может быть одно из двух полушарий мозга, правое или левое (часть людей не имеет такой функциональной асимметрии). Поскольку каждое из полушарий несколько специализировано по выполняемым функциям (левое преимущественно отвечает за логические и речевые функции, правое — за пространственно-перцептивные), то соответственно доминирование того или иного полушария у данного индивида определяет особенности его психического склада и основные формы приспособления к социальной среде. Индивиды с ведущим левым полушарием, как правило, легче адаптируются к разнообразным социальным стрессам, тогда как индивиды с доминированием правого полушария лучше переносят физические воздействия (холод, голод). Кроме того, существуют и более тонкие отличия, в том числе на уровне отдельных этносов, обусловленные разной историей этносов.

Для арктических народностей характерно преобладание индивидов с правополушарной активностью мозга. Это связано, видимо, с такими особенностями, как формирование и понимание пространственных препозиций у детей европейской культуры и малых этнических групп, раньше проявляющихся у последних³⁰, относительно лучшее развитие невербального интеллекта у детей северных народностей (саамов) по сравнению со сверстниками европейской культуры³¹ и сходные различия среди взрослых представителей разных культур, этногенетические различия в структуре внимания и познавательных процессах³².

Эти феномены дают также определенное объяснение наблюдающимся повсеместно явлениям повышенной психической стрессуемости представителей северных народов в процессе адаптации к современным условиям жизни³³.

На надличностном уровне определенные особенности энкультурации (введение в культуру) формируют ряд свойств, которые приобретают важное значение в процессе межкультурного взаимодействия. Показано, например, что значения понятий «достижение», «успех» существенно различаются в разных культурах³⁴, и это, видимо, формирует во многом различный «список ценностей», принятый в данном обществе.

Другим важным свойством, оказывающим существенное влияние на поведение человека «двух культур», является иная система социального контроля в северных сообществах, принятая до самого недавнего времени, элементы которой по-прежнему сохраняются: она основывалась на деперсонализации ответственности, переносимой на всю родственную группу. Это способствует глубокому укоренению феномена деиндивидуации поведения личности, снятию ответственности за свои действия. Наличие в «примитивных» сообществах такого социального регулятора деятельности представляется совершенно обоснованным в силу традиционности общественной жизни и ритуализации большинства элементов социального поведения. В переходных условиях этот фактор приобретает отрицательное значение (см. ниже).

Все перечисленные факторы играют существенную роль в процессе поколенной трансмиссии культуры этноса, выполняя преимущественно регулятивные функции. В процессе аккультурации изменение их действия или «выключение» на более поздних стадиях социализации приводит к ряду явлений, в целом неблагоприятных для «маргинальной» личности. Часть этих феноменов достаточно изучена в настоящее время. Укажем некоторые из них.

Особенности внесемейного воспитания детей, широко практикуемого среди северных народов (с довольно раннего возраста в интернате), способствуют формированию такой структуры личности, которая по ряду параметров отличается от «нормативной», но в еще большей степени — от исторически выработанного эт-

нического типа личности. Этим детей и подростков часто отличают преобладающее развитие вербального интеллекта, недоразвитие идеального плана и воображения с доминированием повседневных желаний, преобладание экстрапунитивных (направленных вовне) реакций защиты в отношении взрослых и сверстников, низкая самостоятельность, неосознанное отношение к будущему, изменение ориентации в самооценке, примитивный характер деловых контактов³⁵. Ясно, что такой комплекс отклонений (хотя и незначительных) в психическом развитии, притом имеющий массовый характер, способен уже в первом поколении привести к значительному разрушению соответствующих традиционных механизмов трансмиссии культуры.

Взаимное наложение двух различных систем социального контроля в процессе социализации личности приводит к широкому распространению деиндивидуации поведения. В этом случае деиндивидуация, вообще характерная для подростков и молодых людей, в среде представителей «двух культур», воспитываемых во внешне незаметных, но все-таки различающихся культурных нормативах, формирует преимущественно антисоциальное поведение³⁶. Распространение девиантного (отклоняющегося от нормы) поведения среди молодежи, наряду с «синдромом аккультурации», ведет к практически полному разрыву в сознании традиционных и современных культурных стереотипов, который усугубляется ослаблением контакта между поколениями.

Наконец, особенности «вращения» в европейскую культуру этнических меньшинств Севера определяют быстрое разрушение системы традиций этих сообществ. Поскольку европейские культурные стереотипы и идеалы являются в настоящее время более «престижными» и «желанными», чем стереотипы и идеалы родственной группы, то в процессах социокультурной переориентации, особенно молодежи, приобретают чрезвычайно большое значение средства массовой информации³⁷. О широком распространении направленной вовне культурной ориентации свидетельствует и специфическое распределение интересов у представителей этнических общин: преобладание интереса к глобальным, общенациональным событиям по сравнению с местными или затрагивающими интересы родственной группы³⁸. Включенность в средства массовой информации тесно связана с этнической идентификацией, причем средства массовой информации могут непосредственно влиять на степень этнической идентификации, «я-сопричастности» к определенной этнической, социальной или профессиональной группе³⁹. «Лучшие представители» народности сильнее ориентированы на общенациональные культурные стереотипы, чем остальная часть населения. Поскольку именно они являются основным источником развития и поддержания культурных традиций (не связанных с нормами, регулирующими выполнение жизненно необходимых функций), то иная ориентация или выпадение этого звена в процессе поколенной трансмиссии культуры способствуют ускоренной этнокультурной интеграции или ассимиляции малой культуры.

Таким образом, можно с достаточным основанием предполагать, что современное интенсивное взаимодействие традиционных северных культур с культурами европейских стран, являющихся по отношению к первым «вмещающими этносами», ведет к размыву естественно-исторических корней трансмиссии культуры.

Поскольку в своих существенных чертах традиционная система хозяйствования у всех северных народов изменилась, надстроечные элементы культуры не остались единым целым, а трансформировались в новом соотношении либо исчезли. Описанные явления поколенной трансмиссии культуры в малых этнических группах, прерываемые на целом ряде направлений, являются, естественно, лишь одной, наиболее критической стадией в широком процессе этнической интеграции. Этот этап в процессах

межкультурного взаимодействия является, конечно, совершенно необходимым и самым болезненным. Поэтому важным с точки зрения эффективности интеграционных процессов в современных многонациональных обществах представляется осуществление социального контроля в отношении базисных, естественно-исторических компонентов трансмиссии культуры с целью снижения негативных последствий для личности такого контрастного взаимодействия культурных стереотипов. Этот социальный контроль в целом ряде случаев оказывается возможным.

Необходимым условием для него являются выделение и детальный научный анализ глубинных факторов, опосредующих процесс культурной интеграции. Это, по существу, структурно-функциональный анализ процесса взаимодействия систем жизнеобеспечения традиционного и современного обществ. Главный, на наш взгляд, результат в этом направлении — возможность осуществления адекватной оценки и повышение эффективности практических социальных мероприятий, направленных на разрешение проблем культурной ассимиляции и интеграции. Можно отметить, что практическое осуществление социального контроля над некоторыми этнодемографическими и социально-психологическими процессами наблюдается в настоящее время, но не в той степени, в какой это возможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Бромлей Ю. В.** Очерки теории этноса.— М., 1983.

² *Там же.*— С. 294—338.

³ См.: **Eisenstadt S. N.** Von Generation zu Generation. - München, 1966; **Кон И. С.** Этнография детства: Историографический очерк // Этнография детства. - М., 1983. - С. 9-50; **Лукач И.** По-разному ли идут часы? // Вопр. философии. - 1982. - №10. - С. 64-75.

⁴ **Roth E. A.** Sedentism and changing fertility patterns in a Northern Athapascan isolate // J. Hum. Ecol.— 1981.— Vol. 10, N 5.— P. 413—425.

⁵ Известно, что человеческая популяция небольшой численности не может поддерживать на необходимом уровне генетическое разнообразие и вымирает, если изолирована от других групп (см.: **Сови А.** Общая теория населения.— М., 1977). Большинство же северных обществ состояло не более чем из 300 человек и часто подразделялось на стойбища в 5—30 человек.

⁶ **Olsen G. A.** Pattern of sexual behaviour in Greenland // Inter-Nord.—1972.—N 12.— P. 312-315.

⁷ **Chapman M.** Infanticide and fertility among eskimos; a computer simulation // Amer. J. Phys. Anthropol. —1980.—Vol. 53, N 2.— P. 317-327.

⁸ **Olsen G. A.** Pattern of sexual...—P. 312—315.

⁹ **Проблемы приполярной медицины:** Сообщение Европейского регионального бюро ВОЗ.— Новосибирск, 1978.

¹⁰ *Там же.*— С. 40.

¹¹ **Gordon B. C.** Man-environment relationships in Barrenland prehistory // Musk-Ox.—1981.—N 28.—P. 1—19.

¹² **Jones D. M.** Urban native — men and women — their difference in their work adaptation.— Fairbanks, 1978.

¹³ **Kolata G. C.** Food effects human behavior // Science.— 1982.—Vol. 218, N 4587.—P. 1209—1210.

¹⁴ **Schull W. J.** Food, water and gene // Fukuoka acta med.— 1980.—Vol. 218, N 2.-P. 47-60.

¹⁵ **Эрман Л., Пирсоне П.** Генетика поведения и эволюция.— М., 1984. - С. 78-80.

- ¹⁶ **Furnas B.** Health and illness in primitive societies // *Med. J. Austral.*—1978.—Vol. 1, N 1.—P. 6—7.
- ¹⁷ **Eder J. F.** The caloric returns to food collecting: distribution and change among the betak of the phillippine tropical forest // *Hum. Ecol.*— 1978.— Vol. 6, N 1.— P. 55—69.
- ¹⁸ **Furnas B.** Health and illness...— P. 7.
- ¹⁹ **O'Dea K., Spargo R. M., Akerman K.** Some studies on the relationships between urban living and diabetes in a group of Australian aborigines // *Med. Anthropol.*—1980.— Vol. 4, N 1.— P. 1—20.
- ²⁰ **Механизмы адаптации человека в условиях высоких широт.**— Л., 1980.— Гл. 8: Адаптация и рационализация питания.— С. 116—122.
- ²¹ **Jones D. M.** Urban native...
- ²² **Aspelin P. L.** Food distribution and social bounding among the raamainde of Mato Grosso, Brasil // *J. Anthropol. Res.*— 1979.—Vol. 35, N 3.—P. 309—327.
- ²³ **Итс Р. В.** Современные экологические проблемы и традиционное природопользование народов Севера // *Вестн. АН СССР.*— 1982.— № 5.—С. 67—71.
- ²⁴ **БАМ и народы Севера.**— Новосибирск, 1979.
- ²⁵ **Бойко В. И.** Соотношение общего и национально-особенного в концепции развития народностей Севера // *Изв. СО АН СССР.*— 1984.— № 9.— Сер. истории, филологии и философии.— Вып. 2.— С. 13—18; **Агранат Г. А.** Коренное население Аляски и Канадского Севера: современные социально-экономические и политические проблемы // *Сов. этнография.*— 1982.— № 6.— С. 66—80.
- ²⁶ **Оно С.** Генетические механизмы прогрессивной эволюции.— М., 1973.
- ²⁷ **Фогель Ф.** Новый подход к генетике поведения человека // *Вопросы общей генетики.*—М., 1981.— С. 138—145.
- ²⁸ **Базарный В. Ф.** Детский сад — общеобразовательная школа — главные звенья в первичной профилактике аномалий развития зрения у детей и подростков // *Медико-санитарное обеспечение населения Крайнего Севера.* - Красноярск, 1982. - С. 136 -142.
- ²⁹ **Спрингер С., Дейч Г.** Левый мозг — правый мозг.— М., 1983
- ³⁰ **Cox M. F., Vatra P., Singhal S.** A cross-cultural study of young children understanding of spatial prepositions // *Internat. J. Behav. Develop.*—1981.—Vol. 4, N 4.—P. 469—476.
- ³¹ **Seitamo L.** Intellectual functions in Scolt and Northern, finnish children with special reference to cultural factors // *Inter-Nord.*—1975.—Vol. 12.—P. 338—343.
- ³² **Miller P. H., Jordan R.** Attentional strategies, attention, metacognition in Puerto Rican children // *Develop. Psychol.*— 1982.— Vol. 18, N 1.— P. 133—139.
- ³³ **Hippiar A. E., Boyer L. B., Boyer R. M.** Tanaina ethnop-sychiatry, past and present; a reflection of cultural personality dynamics // *Inter-Nord.*—1978.—Vol. 15.—P. 117—127.
- ³⁴ **Fyans L. J. Jr., Salili F., Maher M. L., Dessi K. A.** A, cross-cultural exploration into the meaning of achievement // *J. Pers. and Soc. Psychol.*— 1983.— Vol. 44, N5.— P. 1000—1013.
- ³⁵ **Возрастные особенности психического развития детей.**— М., 1982.
- ³⁶ **Сельская молодежь Якутии: общественно-политическая активность, моральное и эстетическое сознание, межличностные отношения.**— Якутск, 1979.
- ³⁷ **Watson L.** Television and its early social effects among Rankin Inlet//*Musk-Ox.*— 1980.— Vol. 10, N27.— P. 210 — 246.
- ³⁸ **БАМ и народы Севера.**
- ³⁹ **Jeffres L. M.** Communication, social class and culture // *Commun. Res.*—1983.— Vol. 10, N 2.—P. 219—246.